

К вопросу о функциональной классификации былинных сюжетов

Арсений С. Миронов

*Московский государственный институт культуры,
Химки, Россия, arsenymir@yandex.ru*

Аннотация. Предложенная пудожским сказителем Ф.А. Конашковым классификация былинных сюжетов остается до сих пор недостаточно освещенной в научной литературе, хотя ее анализ важен для оценки русского эпического фольклора в контексте его исторического функционирования. По свидетельству А.М. Линевского, Ф.А. Конашков подбирал былины с учетом половозрастного, семейного, профессионального и социального статуса своих слушателей (для молодежи, для семейных, для военных, для «начальства», для «торговых людей» и др.), и этот принцип, несмотря на определенную простоту, предполагает особое понимание сказителем своего репертуара. Поскольку невозможно предположить, что былины, предназначенные для одного класса слушателей, оказывались – с точки зрения языка или композиции – недоступными восприятию другого, представляется логичным сделать вывод о том, что рассматриваемое деление основывается на некоем внеэстетическом принципе. Как показывает сравнительно-аксиологический анализ каждой былинной группы, все эпические песни в ней объединены сходным дидактико-нравственным посылом, утверждением сопоставимых духовных ценностей и девальвацией противоположных им понятий и категорий. Таким образом, классификация Ф.А. Конашкова указывает на те духовно-терапевтические задачи, которые могли стоять перед русским сказителем при «естественном» бытовании фольклорного текста – и, соответственно, могут быть применены ко всему корпусу национального эпического фольклора.

Ключевые слова: былины, Ф.А. Конашков, классификация, сюжет, аксиология, функциональное воздействие

Для цитирования: Миронов А.С. К вопросу о функциональной классификации былинных сюжетов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 3. С. 12–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-12-31

On the issue of the bylina plots' functional classification

Arsenii S. Mironov

*Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia,
arsenymir@yandex.ru*

Abstract. The classification of epic plots proposed by the Pudoga bylina narrator F.A. Konashkov still remains largely undefined in scholarly literature, though its analysis is important for historical functional appreciation of the Russian epic folklore. According to A.M. Linevskii, F.A. Konashkov selected his bylinas taking into account the gender-and-age, family, professional, and social status of his listeners (i.e., there are bylinas for young people, married couples, the military, the Heads, the merchants, etc.) and that principle, however plain in some aspects, implies a special understanding by the bylina narrator of his repertoire. Since it is inconceivable that the bylinas being intended for one class of listeners turned out to be – in terms of their language or composition – difficult for another, it seems only logical to conclude that the division in question is based on a certain extra-aesthetic principle. As shown by a comparative axiological analysis of each bylina group, all epic songs here are united by a similar didactic moral intent, an affirmation of comparable spiritual values and, consequently, a denial of categories and notions opposed to them. Therefore, F.A. Konashkov's classification indicates those spiritual therapeutic tasks that could challenge Russian bylina narrators in a situation of the oral text's "natural" existence – and, accordingly, can be applied to the whole corpus of national epic folklore.

Keywords: bylinas, F.A. Konashkov, classification, plot, axiology, functional influence

For citation: Mironov, A.S. (2021), "On the issue of the bylina plots' functional classification", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 12–31, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-12-31

Русские былины обычно подразделяют на группы по наличию внешних признаков¹: различной проблематики (героические, социально-бытовые, «баллады», «былины-легенды», волшебно-сказоч-

¹См., в частности: *Селиванов Ф.М.* Русский эпос: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1988; *Аникин В.П.* Теория фольклора: Курс лекций. 2-е изд., доп. М.: КДУ, 2004. С. 116–132; *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2006.

ные), по месту действия (киевский и новгородский циклы) или по периоду создания (например, мифологические, киевские, владими́ро-суздальские, московские). Существуют различные указатели мотивов русского героического эпоса, основанные на выделении формальных признаков сюжетного плана². Такие модели теоретически и практически оправданны, однако они, к сожалению, не могут заменить все еще отсутствующую классификацию былин (или эпических мотивов) по такому их существенному свойству, как внеэстетическая функция.

Между тем простейшую функциональную классификацию собственного былинного репертуара находим у прионежского сказителя Ф.А. Конашкова, который подбирал былины с учетом половозрастного, семейного, профессионального и социального статуса слушателей (для детей, для молодежи, для семейных, для военных, для «начальства», для «торговых людей» и др.) [Линевский 1948б, с. 19–20]. Можно предположить, что певец просто адресовал каждой группе актуальные, по его мнению, темы (женитхам про женитьбу и т. д.) или же пытался «приноровить» свой репертуар к специфическим или ограниченным возможностям слушателей. Однако против этого свидетельствует, во-первых, сам А.М. Линевский, которому Ф.А. Конашков рассказывал о принципах своей классификации и который утверждает, что в ее основу певец «клат идеи, вложенные в сюжет» [Линевский 1948б, с. 20]. Во-вторых, формальные характеристики (тематика, композиция, язык былины) являются основанием для выделения в отдельную группу единственной песни «Про туров», которую сказитель считал «детской»: ее отличают краткость (40 строк), простой язык изложения, отсутствие некоторых «серьезных» тем и сжатая композиция [Линевский 1948а, с. 194]. Что же касается восприятия военными, «торговыми людьми», неженатыми и т. д., то для этих групп не требуется, по-видимому, специальная композиция или особый язык: невозможно предположить, что былины для женатых и замужних могли быть менее понятны военным, а старины для молодежи – недоступны восприятию «начальников».

Само по себе объединение в группы былин, «нацеленных» на разные типы слушателей, указывает на наличие у певца вполне осознанной задачи, которая может быть связана с внеэстетической

²См., например: *Юдин Ю.И.* Героические былины: (Поэтическое искусство). М., 1975; *Астафьева Л.А.* Указатель мотивов, сюжетных ситуаций и повествовательных звеньев богатырских былин // *Фольклор. Проблемы историзма.* М., 1988; *Смирнов Ю.И.* О создании компьютерной базы данных «Былинные репертуары» // *Вестник РГНФ.* 2007. № 3. С. 170–180.

функцией его репертуара. Чтобы убедиться в этом, целесообразно провести сравнительный аксиологический анализ старин, объединенных Ф.А. Конашковым в группы. Выявив мотивировки былинных героев, указывающие на определенные ценностные концепты, и проследив изменение «стоимости» этих концептов к концу былины, мы попытаемся установить – для каждой группы былин – целевое воздействие, оказываемое певцом на ценностный центр слушателя³.

В группу старин, предназначенных для неженатой и незамужней молодежи, Конашков включил пять былин («Про холостого Добрыню», «Добрыня и Алеша», «Про Чурилу и Катерину», «Про Ставра сына Гоудиновича и про Настасью Микуличну», «Наезд литовцев») и одну песню «У вдовушки, у пашенки» («Братья-разбойники и сестра»).

Ценность, мотивирующая героя старины «Про холостого Добрыню» – «любовь телесная». Ее олицетворяет Маринка, обладательница кровати-ловушки, в которую «догадливая» колдунья заманивает «молодчиков-красавчиков», предварительно очаровав их приворотной магией. Конашков показывает Добрыню в состоянии обольщения, когда тот почти совершенно находится во власти соблазнительницы, – и делает тем самым героя, охваченного страстью, близким и понятным для молодежи, «симпатичным» ей. Однако ценность эротического влечения и любовной страсти в сознании юных слушателей девальвируется, когда певец раскрывает секреты Маринки: ее колдовские «технологии» и тайну «кроватьки», предназначенной для любовных утех. В этой песне аудитории еще не предлагается альтернативная модель поведения, ориентированная на ценность законного брака, однако представление о таком браке уже имплицитно присутствует и подается как положительное. Так, по мнению матушки Добрыни, общение с Маринкой особенно опасно именно для ее сына, потому что он «холост молодец есь нежененой»⁴ (подразумевается, что женатые богатыри менее уязвимы).

Ценность законного брака утверждается и в другой былине – «Добрыня и Алеша». Стремясь не допустить поругания «закона Божия» (именно такое определение брака обнаруживаем во многих

³Определение ценностного центра см. в: *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 56.

⁴Добрыня и Маринка // *Сказитель Ф.А. Конашков* / Подгот. текстов, введ. ст. и коммент. А.М. Линевского; Под ред. А.М. Астаховой. Петрозаводск: ГИЗ Карело-Финской ССР, 1948. С. 104.

старинах⁵ и русских обрядовых песнях⁶), Добрыня спешит на родину, чтобы расстроить свадьбу своей супруги Авдотьи Микулишны, которая введена в заблуждение Алешей Поповичем и собирается стать его женой. Ценность законного брачного союза мотивирует Авдотью вдвое увеличить установленный Добрыней срок, в течение которого она обязана ждать супруга и отказывать сватам. Наконец, узнав законного мужа в нищем страннике-скоморохе, Авдотья немедленно – и, что особенно важно, добровольно – отказывается от нового жениха.

В «Былине про Чурилу и Катерину» коррекция ценностного центра слушателя достигается певцом «от противного». Ф.А. Конашков отнюдь не раскрывает юной аудитории собственного (отрицательного) отношения к былинному адюльтеру, но создает привлекательный образ жены-изменщицы:

В тонкой льняной сорочки да без пояса,
А в тонких шелковых цулоцках да без чоботов,
Как головка у ей приубранная⁷.

Очевидно, задача певца – вызвать симпатию к Чуриле и Катерине у тех слушателей, которые сами не чужды некоторой вольности в отношениях. Подобная симпатия возникает на основе «единострастия» аудитории и героев: состояния, когда обе стороны равно высоко ценят радости телесной любви, «запретной» страсти. Однако по мере сказывания былины певец противопоставляет плотской любви ценность «честного» христианского брака. Эта аксиологическая категория впервые предлагается слушателю в тот момент, когда девка-служанка («цернявушка») отказывается покрывать прелюбодеяние своей госпожи и отвергает «подарочки»

⁵См. в частности: Чурило и неверная жена Перемякина // Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. СПб., 2003. Т. 3. С. 73; Алеша и сестра Бродовичей // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. С. 72; Про князя Михайлу // [Гуляев С.И.] Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск, 1939. С. 128.

⁶См. в частности: «Как летал, летал сокол...» // Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. I (Песни обрядовые). М., 1911. С. 26; «Деревце сокоревце!...» // Там же. С. 193; «Как у сырова дуба...» // Там же. С. 218; «Под славным крепким городом Архангельском...» // [Соболевский А.И.] Великорусские народные песни. Т. 1. СПб., 1895. С. 413.

⁷Чурила и неверная жена («Былина про Чурилу и Катерину») // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 157.

Чурилы – как можно предположить, из ревнования о ценности законного брака⁸, которая оказывается чрезвычайно высокой для героини и буквально побуждает ее рисковать жизнью:

Говорил Вельма сын Васильевич:
«Ай же, девушка да ай цернявушка,
Если правду говоришь, тебя замуж возьму,
Ежель манишь – голову срублю!»⁹

Суровость Вельмы объясняется тем, что он защищает законный брак от возможной клеветы. Отношение к этой ценности сближает Вельму и «девку-цернавку» (для них концепт брака как святыни доминирует). Таким образом, двум героям-прелюбодеям противопоставляется пара героев-«ревнителей» благочестия.

Казнив любовников, Вельма спешит заключить новый брак – чтобы восстановить попранную «честь» этого института. Стоит особо отметить, что протагонист, ценящий «закон Божий» выше личной чести, не придает значения социальному и имущественному статусу своей избранницы. Достоинство героини (т. е. ее отношение к браку как к ценности) возвышает простую служанку до уровня хозяина; Пермьт оценивает «верность» девушки, ее готовность стоять за «правду-истину». Брак, вне христианского контекста безусловно неравный, представляется герою совершенно равным на том основании, что «цернявушка» так же высоко ценит «закон Божий», как и он сам.

По наблюдению Ю.А. Новикова, Ф.А. Конашков в период с 1928 по 1938 годы «переучил» эту старину после того, как услышал понравившийся ему вариант Н.С. Богдановой: певец «ввел в былинку ряд новых эпизодов и описательных характеристик» [Новиков 2000, с. 208], усилил диалоги, однако динамика конкури-

⁸В печорских вариантах этой песни служанка отказывается от подарков Чурилы, мотивируя это тем, что «только дорога́ мне да правда да истина» (Про Чурилу // Былины Печоры и Зимнего Берега. М.; Л., 1961. С. 128). В Кулойском варианте она требует от Чурилы, чтобы тот перестал «ходить да цюжых жон любить» (Чурило и неверная жена Перемяки // Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 207). На Мезени (Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг.: В 3 т. Т. 3. СПб., 2003. № 13 [317]) и Печоре ([Ончуков Н.Е.] Печорские былины. СПб., 1904. № 25, 69; Былины Севера. Т. 1. М.; Л., 1938. № 55, 75, 97) и певцы подчеркивали, что служанка неподкупна.

⁹Чурила и неверная жена // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 158.

рующих концептов «любви телесной» и законного брака осталась прежней.

Еще одна былина, которую Ф.А. Конашков адресовал молодежи – «Ставр Гоудинович» («Про Ставра сына Гоудиновича и про Настасью Микуличну»). Как показывает аксиологический анализ этой песни, симпатия аудитории к отважной и хитроумной героине помогла певцу решить его главную задачу: показать юношам несостоятельность представлений о жене как об особо ценном «имуществе», обладание которым повышает личную «цену» мужа. Именно такими представлениями о женщине продиктовано поведение Ставра на пиру: он готов рисковать собственным браком ради личной славы-молвы, превозношения – и, как следствие, теряет свободу.

Принципиально иная ценность мотивирует героиню этой старины: она отправляется в Киев «выручать своего мужа да законного»¹⁰. Ради защиты брака (а также из сострадания к супругу) Настасья готова подвергнуться личному бесчестью, позору (по меньшей мере в связи с переодеванием в мужскую одежду и обрезанием волос). Ценность брака в конце былины решительно утверждается в сознании слушателей, когда муж и жена воссоединяются подобно тому, как это происходит в старине «Добрыня и Алеша»:

Выходила Настасья с да стола княженецкого,
Ена брала Ставра-то ведь за руки,
Целовала во уста да во сахарныи,
Повела Ставра да в свою родину¹¹.

Как следствие, в ценностном центре героя девальвируется дохристианское понимание жены в качестве элемента личной чести-имущества. Здесь следует особо отметить, что для очень многих персонажей мирового эпического фольклора помощь другого человека, а тем более собственной жены – бесчестье¹², ведь в последнем случае «цена» женщины превосходит личную честь

¹⁰ Ставр Гоудинович // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 139.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² Так, в «Рамаяне» помощь Кайкеи супругу делает последнего ее должником, а Хродгар спешит трактовать содействие Беовульфа в борьбе с Гренделем как возвращение долга за спасение отца («Беовульф»); герой ирландских саг Кухулин может принять помощь Фердиادا (целебные снадобья) лишь при условии ответного дара, тогда как протагонист «Песни о Роланде», опасаясь упреков в трусости, отказывается призвать

ее супруга с тем результатом, что муж будет неизбежно воспринят обществом как недостойный обладатель столь ценной «собственности». В такой ситуации оказывается, например, былинный Дунай, чья супруга доказывает всему Киеву, что личная честь ее мужа недостаточна для обладания такой женой, как она. Согласно канону поведения, характерному для героев дохристианского типа, Дунай пытается восстановить свою честь тем, что казнит жену. Ставр же нарушает этот архаический принцип: его не беспокоит личное бесчестие, невольной причиной которого стала Настасья Микулична, превзошедшая его самого не только «женскими догадками», но и «мужскими ухватками».

Вновь, как и в случае с Вельмой и девкой-«церनावушкой», счастливый брак оказывается возможен, несмотря на дисбаланс личной чести (в былине про Вельму служанка «недостойна» своего хозяина; в былине про Ставра – герой «недостойн» своей умницы-жены). Иными словами, основой супружеского союза вновь становится не равенство чести, но единство аксиологических оценок, выносимых и женихом, и невестой в отношении «внешних», объективных ценностей.

Старина «Наезд литовцев» («Про короля литовского») у Ф.А. Конашкова сильно сокращена по сравнению с записями, сделанными от его старших земляков (И. Фепопова, П. Антонова, шальского лодочника). В полном варианте, как известно, сюжет сохраняет непосредственную связь с темой законного брака и его поругания: братья Ливики, разорив три русских села, захватывают в плен Настасью Митреевну с двухмесячным сыном. Таким образом, гнев престарелого царя Романа Митреевича вызван, помимо сострадания к «черным мужичкам» в разоренных селах, также ревнованием – не только о разграбленных храмах, но и о попрании самой святыни брака. В усеченном варианте Ф.А. Конашкова нет ни «порубленных» мужичков, ни оскверненных храмов, ни плененной Настасьи Митреевны. Отсутствие в сюжете захваченной Ливиками царской родственницы, на первый взгляд, заставляет недоумевать, что побудило певца включить эту песню в одну группу с четырьмя другими старинами, посвященными теме законного брака и имеющими сходное дидактическое послание. Между тем у Ф.А. Конашкова братья Ливики угрожают – после захвата и разграбления «Руссеюшки» – насильственно «замуж

на помощь основные силы Карла Великого. Сопоставимым образом Казан-бек («Книга моего деда Коркута») с гневом отказывается от помощи своего слуги, Черного пастуха, а протагонист узбекского эпоса «Алпамыш» не принимает помощь Караджана и остается в заточении и т. д.

повыдати»¹³ русских красных девиц. У других певцов этот нюанс отсутствует; возможно, такое «массовое» поругание законного брака казалось певцу более страшным злодеянием, чем пленение одной только царской родственницы.

В одну группу с рассматриваемыми былинами сказитель включил песню «Братья-разбойники и сестра». Молодые слушатели Ф.А. Конашкова узнавали из этого произведения о том, к каким трагическим последствиям может привести недооценка «закона Божьего» – христианского брака. Разбойники допускают его поругание, разлучают мужа с женой, убивают младенца и «бесчестят» свою пленницу – а затем узнают в ней собственную сестру.

Как можно видеть, в пяти былинах, объединенных Ф.А. Конашковым в группу «для неженатых и незамужних», певец утверждает ценность и святость законного брака.

В группу старин, адресованных военным, Ф.А. Конашков включил все свои песни про Илью Муромца – однако не потому, что в них поется о сражениях (сюжеты о получении героем силы, о ссоре с князем Владимиром батальных сцен, как известно, не содержат). По справедливому замечанию Е.И. Якубовской, эти былины объединяет оказываемое ими сходное воздействие на слушателя, этическая, «учительная» сила, способная «сделать людей лучше» [Якубовская 2016, с. 127]. В сюжетах об исцелении героя, об освобождении им осажденного города, о победе над Соловьем-разбойником утверждается концепт силы как дара, полученного свыше. От концепта героической силы, свойственного эпосу многих других народов, русский концепт отличается принципиально: богатырь не может распоряжаться этим чудесным даром по своему усмотрению, ради личной корысти.

Альтруистический характер богатырской силы в былине Ф.А. Конашкова «Илья Муромец» подчеркивается тем, что старцы-калики появляются в Муроме непосредственно после диалога Богородицы с «Христом-царем Богом небесным», в финале которого Господь обещает «заступить» Киев-град от вражеского нашествия¹⁴. Былинное представление о героической силе подразумевает бескорыстное «передаривание» ее тем, кто нуждается в помощи. Так, Илья отказывается от власти в освобожденном Чернигове («не великая я и барщина»¹⁵) и не требует от князя Владимира награды за свои подвиги. В сюжете о ссоре Муромца с князем «от противного» утверждается русское эпическое понимание богатырства как социально-значимой миссии: если власть «забывает» о богатырях

¹³ Наезд литовцев // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 122.

¹⁴ Илья Муромец // Онежские былины. М., 1948. С. 347.

¹⁵ Там же. С. 351.

и выказывает им небрежение, их сила становится разрушительной для общества и для самих витязей; герои русского эпоса не умеют направлять ее на достижение личных корыстных целей¹⁶.

Пытаясь перекупить Илью Муромца, былинный Калин-царь действует строго по правилам языческого эпоса: как щедрый властитель, который ценит могучих воинов. Однако перед ним – герой нового, христианского типа, не заинтересованный в прибавлении личной чести-имущества. Илья остается верен Владимиру, хотя тот безвинно заточил его в темницу. Смирненное поведение Муромца, позволяющего князю пленить себя, в принципе не соответствует поведению героев различных языческих эпосов, которые воспринимают немилость властителя как личное бесчестие¹⁷.

Заметим кстати, что именно отрицание личной чести – отрицание, выразившееся в безгневном претерпевании княжеской опалы, клеветы и несправедливости – стало тем общим признаком, на основании которого Филон Кмита Чернобыльский еще в 1574 году объединил в одну группу два сюжета: об Илье Муромце и про Соловья Будимировича. Жалуясь на «грехопадения» своего государя, недооценившего, по-видимому, достижения Филона в должности городского старосты, автор письма выражает надежду, что «придет час, когда понадобятся Илья Муравленин и Соловей Будимирович, придет час, коли будет служб наших потреба» (цит. по: [Веселовский 1881, с. 64]). А.Н. Веселовский полагает, что имя Соловья Будимировича явилось здесь «случайно», «вне внутренней связи со значением Ильи» – потому что, в отличие от Ильи, Соловей Будимирович есть «богатырь приезжий» и отнюдь не радетьель о русской земле [Веселовский 1881, с. 65]. Между тем двух героев объединяет не только совместная служба на Соколе-корабле, как полагал А.Н. Веселовский [Веселовский 1881, с. 65]; оба они подвергаются бесчестию со стороны князя Владимира: Илья, как мы говорили выше, попадает в заточение, а Соловью Будимировичу, когда он сватается к княжьей племяннице, предпочитают менее достойного жениха. Однако Соловей, подобно Илье Муромцу, безгневно претерпевает это унижение – и приходит на помощь Киеву, защищая его от внешней угрозы¹⁸.

¹⁶ Как это делает, например, рыцарь Самсон («Тидрек-сага») или протагонист испанского эпоса «Песнь о Сиде».

¹⁷ Ахиллес в «Илиаде» гневается на Агамемнона, Рустам в «Шахнаме» – на Кей-Кавуса, рыцарь Самсон («Тидрек-сага») – на своего сюзерена, протагонист татарского эпоса «Идегей» – на хана Токтамышша и т. д.

¹⁸ См., в частности: Соловей Соловьевич (Будимирович) // Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. С. 341.

Как можно видеть, аксиологический анализ былин, объединенных Ф.А. Конашковым в группу «для военных», свидетельствует о том, что все эти старины могли быть «инструментом» по активному, планомерному и целенаправленному воздействию эпического певца на ценностный центр слушателей. Рассматриваемые песни объединяет общее представление о силе как о даре, которым нельзя распоряжаться в корыстных целях и который требует смиренно претерпевать опалу со стороны властей до тех пор, пока князь не призовет богатыря к служению (как это происходит, в частности, в былине «Илья Муромец и Калин-царь»). Заметим также, что эта тема оставалась актуальной для русских военных (и вообще служивых людей) во все времена: достаточно вспомнить опалу и последующее возвращение к службе князя Петра Муромского, князя Даниила Холмского или графа А.В. Суворова.

В группу былин «для начальников» Конашков объединил старины «Сухман Рехмантьевич» и «Иван Грозный и сын». У героев этих песен идентичная мотивировка: и Сухман, и Микита Романович совершают поступок, который вызван любовью-жалостью к страдающему существу, однако противоречит воле властителя. В обоих случаях, несмотря на смертельный риск, герои избегают наказания, что, по нашему убеждению, в значительной степени девальвирует концепт лояльности: комплекс представлений о том, что «механическая» солидарность с позицией монарха должна сохраняться любой ценой.

Этот концепт характерен для внехристианских эпосов и понимается как честная «отработка» даров, милостей и почестей, полученных от сюзерена¹⁹. Языческое представление о личной чести с неизбежностью предполагает обмен героической силы на честь-имущество: властитель щедро вознаграждает витязя за подвиги, а тот, в свою очередь, бесстрашно и неутомимо сражается в его интересах, выполняя любой приказ.

Лояльность властителю и «долг чести» требовали бы от Сухмана любой ценой добыть по княжьему поручению «гусей-лебедей, серых малых утушек»²⁰, при этом даже разгром татарского войска не смог бы оправдать героя, не выполнившего приказ. Что же касается поступка Микиты Романовича, то здесь мы сталкиваемся с

¹⁹ О лояльности как главном концепте, на котором построено идеальное общество германского эпоса см.: *Chemiss M.D. Ingeld and Christ. Heroic concepts and values in old English Christian poetry. The Hague: Mouton, 1972. P. 30–59.*

²⁰ Сухман Рехмантьевич // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 115.

открытым противодействием царской воле. Однако, как было сказано выше, в обоих случаях правитель – хотя и со временем – признает правоту героя и благодарит его. Это не только обесценивает концепт лояльности, но и позиционирует новую, христианскую ценность любви-сострадания.

Чувство жалости охватывает «разгарчивое» сердце богатырское, и герой совершает подвиг – даже если это угрожает ему самому опалой и гневом властителя. Микита Романович страдает своей сестре и ее сыну, которых собирается казнить Малюта Скуратов; Сухман исполняется любовью-жалостью к реке, ведь она «с силушки... повыбилась»²¹, вся помутилась и ослабела из-за того, что каждую ночь размывает переправы, возведенные татарами за день. Героическая Непра-река просит богатыря о помощи – и сердце Сухмана не остается безучастным.

В былинном мире акт сострадательной любви является, как правило, условием для внезапного прилива чудесной силы, необходимой, в свою очередь, чтобы совершить «работу богатырскую». Таким образом, именно благодаря сострадательной любви Сухман может разгромить татарское войско, а Микита Романович получает силу и смелость, позволяющие ему пойти против воли монарха и поднять руку на царского палача.

В обеих старинах властитель сначала гневается, но затем изменяет свою позицию и признает безусловную правоту за героем. В старине про Сухмана князь не просто исполняется жалости к раненому богатырю, но и спешит его «почествовать»²²; в исторической песне «Грозный царь» целует Микиту «в уста да во сахарнии» и собирается одарить его «городами с пригородками», «златом... серебром»²³. Характерно, что Микита в качестве платы «за ту да за заслугу-то»²⁴ просит превратить его вотчину в особый вольный край, где смогут найти убежище все скрывающиеся от царского гнева, – это лишний раз свидетельствует о том, что бескорыстное сострадание в ценностном центре героя занимает господствующее положение.

Заметим, что в варианте, записанном Соколовым и Чичеровым в 1928 году, князь Владимир отнюдь не приказывает заточить Сухмана (Сохмана) в темницу, но всего лишь отправляет Добрыню на место сражения с татарами, чтобы убедиться в том, что Сохман

²¹ Сухман Рехмантьевич // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 115.

²² Там же. С. 117.

²³ Иван Грозный и сын // Там же. С. 183.

²⁴ Там же.

говорит правду²⁵. Богатырь подтверждает слова героя, однако счастливой развязки все же не происходит: Сухман воспринимает недоброие князя как личное бесчестие и убивает себя. Заметим, что в сходной ситуации (когда Владимир не верит на слово Муромцу, утврждающему, что приехал в Киев по «дорожке прямоезжей») Илья не чувствует себя обещенным и не помышляет о самоубийстве. Аналогичным образом и Дюк Степанович не испытывает унижения от того, что Владимир отряжает богатырей в «Корелушку богатую» с целью «посмотреть ёго именицо»²⁶. В отличие от Муромца и Дюка, Сухман принадлежит к дохристианскому типу былинных героев: он ценит личную честь выше соборной славы киевского богатырства и даже выше собственной жизни.

Как можно видеть, в былинах для «начальства» решительно обесценивается концепт личной чести и утверждается ценность высшей «правды-истины» страдающего сердца, голос которого для героев рассматриваемых старин звучит громче, чем голос властителя. В связи с этим становится ясно, что под «начальниками» Ф.А. Конашков понимал не только и не столько «верховных» начальников, то есть государей, но прежде всего тех, кого условно можно отнести к «генералам», «князьям», «братии господской»²⁷ (как Микита Романович) и богатырям, приближенным к верховной власти (как Сухман). Результаты аксиологического анализа этих старин убеждают нас в том, что они адресованы тем, кто взаимодействует с верховной властью, и кому, возможно, приходится выбирать между логикой лояльности и голосом сердца, между «долгом чести» и страдающим человеком.

Результаты аксиологического анализа былин, объединенных в группы для неженатой молодежи, для военных и для «начальников», показывают, что классификация старин осуществлялась Ф.А. Конашковым по общему принципу, основанием для которого было сходство планируемого воздействия на сознание слушателей. Нас не должно смущать, что собиратели эпоса не оставили данных о примерах реально произведенного корректирующего

²⁵ Спустя десять лет Ф.А. Конашков добавит в свою былинку строки о том, что князь повелел – на время, пока не подтвердится истинность слов Сухмана – заточить последнего в темницу; не исключено, что эта новация объясняется политическим запросом со стороны советских фольклористов, высоко ценивших любые приметы классовой борьбы в былинах.

²⁶ Дюк Степанович («Как во той ли Корелушке богатыя...») // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова. СПб., 2002. С. 396.

²⁷ Формула самого Ф.А. Конашкова. См. в частности: Дюк // Сказитель Ф.А. Конашков. С. 152, 153.

воздействия на аудиторию. Фольклористы, записывавшие былины в XIX–XX вв., были сосредоточены на фиксации вербального текста и выявлении механизмов устной традиции, они не были вооружены адекватными методами для анализа коммуникативного акта и связанных с ним процессов рецепции, инкультурации ценностей. Очевидно также, что эффект, производимый на ценностный центр конкретного слушателя в ходе сказывания, зависел от субъективных факторов и, как следствие, был вариативен. Тем не менее единство аксиологического кода всех былин внутри каждой группы является, на наш взгляд, достаточным основанием для того, чтобы предположить, что Ф.А. Конашков вполне отдавал себе отчет в том, каким образом каждая старина влияет на содержание и иерархию концептов в ценностном центре слушателя.

Действительно, если рассматривать былины Ф.А. Конашкова в ценностном аспекте, то нужно признать, что ни одна из них не является конгломератом разновременных и противоречивых (языческих и христианских, «аристократических» и народных, авторитонных и заимствованных) смыслов, наслоившихся в периоды бытования эпоса в разных социальных средах, и не могла запоминаться и транслироваться механически²⁸. Если каждая старина была «нацелена» на определенный духовный эффект, то, следовательно, подобрать «подходящую» для конкретного слушателя мог только тот певец, который обладал полнотой эпического знания и располагал всем арсеналом былинных сюжетов, т. е. мог применить их с учетом конкретных условий акта фольклорной коммуникации,

²⁸ О соединении в одной былине противоречивых мотивировок героя, связанных с разными периодами бытования эпоса, см., в частности: *Миллер О.Ф.* Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб.: Н.И. Михайлов, 1869; *Миллер В.Ф.* Предисловие // Экскурсы в область русского народного эпоса. М.: Тип. т-ва Кушнерев и К°, т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1892. С. VI–VII; *Сперанский М.* Былевая песня и современные ее носители // Русская устная словесность. Т. II: Былины и исторические песни. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. С. XVIII; *Chadwick H.M., Chadwick N.K.* The Growth of Literature. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1936. P. 87–91; *Аникин В.П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: МГУ, 1980. С. 149, 276–290; *Левинтон Г.А.* К проблеме эпического подтекста // Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука, 1992. С. 161; *Мелетинский Е.М.* О былинных мотивах // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; In *Memoriam*. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2003. С. 343.

и прежде всего – возможных духовных проблем и психологических вызовов, с которыми сталкивались его слушатели.

Иными словами, «назначение» нужной былины требовало от певца определенной подготовительной работы: он должен был получить необходимую информацию о своем слушателе прежде, чем приступить к сказыванию. Заметим, что предварительная фаза, предполагающая «мониторинг» целевой аудитории, являлась обязательным условием для творческого акта и в случае других исполнителей фольклора. Так, знаменитая вопленица И.А. Федосова (ее репертуар включал также несколько былин) перед плачем подробно расспрашивала о всех особенностях умершего и его окружения – «о составе их семей, об имени, возрасте и роде занятий, даже одежде, привычках каждого из них, об их взаимоотношениях, т. е. буквально обо всех деталях... вплоть до мелочей» [Чистов 1955, с. 282].

Если функция былины заключается в коррекции духовных проблем слушателей, то главной задачей певца на фазе психологического «сканирования» должно было быть выявление, с одной стороны, их дарований (возможного жизненного призвания), а с другой – главных слабостей или «страстей». Это необходимо было для того, чтобы подобрать героя с таким же «таланом-участью», с такой же страстью и вызвать тем самым «симпатию» – состояние, основанное на структурном сходстве ценностных центров слушателя и героя.

В условиях «естественного» акта сказывания старинщик как бы вводил слушателя в былинный мир, подбирая ему эпического двойника со сходным ценностным «кодом личности» и назначая должное место за пиршественным столом князя Владимира. Так, В.И. Чичеров вспоминает, что в 1928 году Ф.А. Конашков адресовал одному из участников экспедиции «по следам Рыбникова и Гильфердинга» былину про Дуная-свата: «Тебя как зовут? ... А, Владимир? Тогда спою тебе, как князь Владимир женился» (цит. по: [«Носители фольклорных традиций». 2003, с. 123]). Известно, что единственным Владимиром в составе экспедиции был сам В.И. Чичеров; как представляется, Ф.А. Конашков не случайно «назначил» 21-летнему студенту, будущему «руководителю» всей советской фольклористики, сюжет про Дуная Ивановича – молодого и честолюбивого героя, который берется исполнить поручение князя для того, чтобы добиться собственных амбициозных целей.

Многие певцы пытались «связать» слушателя с героем, указывая на сходство внешности, общественного статуса и т. д., то есть как будто вовлекая его в былинную реальность. Так, по записи

А.А. Астаховой, 74-летний певец Ф.В. Иванов в процессе сказывания заметил, что у княгини Апраксии был такой же рост, как у самой собирательницы²⁹.

Устойчивой связью каждого героя со специфическим кругом духовных проблем аудитории можно, видимо, объяснить феномен, выявленный еще А.Ф. Гильфердингом: русские эпические певцы могли искажать описываемые действия, но никогда не путали и не искажали характеры своих персонажей [Гильфердинг 1894, с. 25]. По нашему убеждению, это происходило потому, что эпическое сознание прочно связывало образ каждого героя со специфическим кругом мотивов, «нацеленных» на нужный психотерапевтический эффект³⁰, и ключевой задачей сказителя было выбрать «симпатичного» героя – не умом, а сердцем: певец чувствовал, какой именно сюжет «предназначен» конкретному слушателю здесь и сейчас.

Исследуя «естественный» акт коммуникации применительно к другому фольклорному жанру – сказке, – К.В. Чистов подчеркивал, что конкретное словесное воплощение такого произведения «формируется в зависимости от того, кому она (сказка. – А. М.) в данный момент рассказывается» [Чистов 2005, с. 36]. Эпическому певцу, как полагал С.Н. Азбелев, «учет реакции аудитории» был необходим не в меньшей степени – для «творческого воссоздания и “пересоздания”» былины при каждом исполнении [Азбелев 1982, с. 250]. Эпический певец едва ли мог – подобно сказочнику – свободно изменять сюжет или включать в повествование сведения о своей аудитории, как это делали вопленицы. Однако сказитель мог «нанизывать» мотивы, заимствуя их у других сюжетов по принципу «ковалентности» ценностного кода – так, в частности, поступал тот же Ф.А. Конашков [Линевский 19486, с. 33]. На то, что драматическое действие в былинах представляет собой сложный комплекс «причинно связанных» эпизодов, так что «каждое событие вытекает из предыдущего и вызывает последующее» [Габель 1927, с. 52], справедливо указывала М.О. Габель. По нашему убеждению, такая связь имеет ценностный характер: мотивы нанизываются певцом с единственной целью – сначала показать, какой

²⁹ Во стольнем во городе Киеве // Былины Севера. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 325.

³⁰ О возможностях фольклоротерапии как метода превентивной (немедцинской) психотерапии, состоящего в креативном воссоздании закрепленных в формулах фольклора способов разрешения личностных проблем, см., например: *Зыкова М.Н.* Фольклоротерапия: Учеб. пособие. М.; Воронеж: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Изд-во НПО «МОДЭК», 2004.

именно аксиологической категорией мотивирован поступок героя, а затем помочь слушателю переоценить эту мотивировку исходя из последствий совершенного персонажем деяния.

А.Ф. Скафтымов отмечал, что «наращивание одних деталей и устранение других, перестановка действия, фигур, своеобразная интерпретация общей схемы» сюжета нужны эпическому певцу для того, чтобы проявить «качества и поступки героя» [Скафтымов 1924, с. 105, 113]. Действительно, создание сказителем функционально-адекватного набора мотивов обрисовывает внутренний мир персонажа (и в частности дает представление о тех ценностях, которые его мотивируют). Это позволяет певцу обеспечить «симпатическую» связь героя и слушателя – и провести необходимую коррекцию в ценностном центре последнего.

Как полагал Б.Н. Путилов, «сюжетно-тематическая вариативность не есть просто проявление устной природы эпоса», но – «важнейший способ реализации» его задач [Путилов 1983, с. 178]. Действительно, поливариантность сюжета позволяет певцу выбрать наиболее адекватную версию для решения текущей функциональной задачи, которая заключается, как мы отмечали выше, в коррекции ценностного центра конкретного слушателя. К.В. Чистов показал, что «естественный» акт фольклорной коммуникации предполагает обратную связь, «синхронность исполнения и восприятия», благодаря чему «исполнитель может менять содержание и структуру текста» с учетом реакции реципиента [Чистов 2005, с. 38]. Можно предположить, например, что кому-то из слушателей (склонному к блудной страсти) исполнитель намеренно пел о том, как Илья Муромец казнил всех детей Соловья-разбойника из-за того, что они были рождены или сами жили в кровосмесительном грехе, а другому слушателю (жестокому, гневливому или алчному, эгоистичному) сказитель уже во время исполнения подбирал вариант, в котором Илья не только оставлял потомство Соловья в живых, но и позволял «малым детушкам» разбойника пользоваться награбленным их отцом золотом. Таким образом, создавался неповторимый профиль выпеваемого варианта – набор ценностно «ковалентных» мотивов.

О том, что не только Коношков стремился оказать инкультурирующее воздействие на аудиторию, свидетельствуют указания собирателей – к сожалению, единичные – на те случаи, когда сказителю удавалось захватить внимание слушателей, создать «симпатическую» связь между ними и героем. Так, у А.Ф. Гильфердинга находим описание того, как воспринимал былину некий крестьянин, постоянно сопровождавший пение своими замечаниями и восклицаниями: «“Ах она мерзкая баба”, повторил он несколько

раз, слушая, как княгиня Опраксия соблазняла каличьего атамана сотворить с нею грех. “Эка брат беда пришла!”...» [Гильфердинг 1894, с. 9]. В аксиологическом плане история оклеветанного калики Касьяна девальвирует концепт страстной плотской любви, а также ценность славы, связанной с обладанием чужой женой. Реплики, зафиксированные собирателем, однозначно указывают на успех идейно-художественного замысла певца в конкретном акте фольклорной коммуникации: как можно предположить, на основании психологического «сканирования» слушателя сказитель верно «назначил» сюжет и подобрал мотивы, усиливающие коррекционное воздействие.

Стремление сказителей предугадать (на основании семейного, общественного, профессионального статуса) духовные проблемы своей аудитории, выявить их и «назначить» слушателю «подходящего» (по структурному сходству ценностных центров) героя – а также подобрать нужную комбинацию мотивов и связать при помощи очевидной причинно-следственной связи завязку (мотивировку героя), его поступок и развязку (последствия поступка) – указывает на то, что и другие певцы, подобно Ф.А. Конашкову, воспринимали старины как средство ценностно-корректирующего воздействия. Кроме того, учительная и духовно-терапевтическая функция героического эпоса представляется вполне вероятной на фоне чрезвычайной популярности у грамотных крестьян, в семьях священников, среди монахов и монастырских «трудников» разного рода дидактической литературы, раскрывающей жизнь «внутреннего» человека³¹ – в том числе сборников, непременно включавших поучения «на моральные и вообще человековедческие темы» [Адрианова-Перетц 1972, с. 5] и нередко составлявшихся в расчете на определенные группы читателей.

Принцип, согласно которому группировал свои былины Ф.А. Конашков, обосновывает аксиологический критерий при дальнейших попытках классифицировать произведения русского героического эпоса: основанием для объединения их в группы должен быть выбран именно дидактико-коррекционный «замысел» певца. В результате мы должны получить не просто классификацию былинных записей, но перечень духовно-терапевтических задач, которые могли стоять перед русским сказителем при «естественном» бытовании фольклорного текста.

³¹ См., в частности: *Адрианова-Перетц В.П.* К вопросу об изображении «внутреннего» человека в русской литературе XI–XIV вв. Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 15–24.

Литература

- Адрианова-Перетц 1972 – *Адрианова-Перетц В.П.* Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л., 1972. С. 3–68.
- Азбелев 1982 – *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 327 с.
- Веселовский 1881 – *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. I–II. СПб., 1881. 78 с.
- Габель 1927 – *Габель М.О.* К вопросу о технике русского былинного эпоса. Формы былинного действия // Научные записки Научно-исследовательской кафедры истории европейской литературы. Вып. II. Харьков, 1927. С. 49–63.
- Гильфердинг 1894 – *Гильфердинг А.Ф.* Олонечкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. СПб., 1894. С. 1–62.
- Линевский 1948а – *Линевский А.М.* Комментарии // Сказитель Ф.А. Конашков. Петрозаводск, 1948. С. 187–203.
- Линевский 1948б – *Линевский А.М.* Ф.А. Конашков. Биография сказителя // Сказитель Ф.А. Конашков. Петрозаводск, 1948. С. 13–67.
- Новиков 2000 – *Новиков Ю.А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. 373 с.
- Носители фольклорных традиций 2003 – Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии). Петрозаводск, 2003. 406 с.
- Путилов 1983 – *Путилов Б.Н.* Эпический мир и эпический язык // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 170–184.
- Скафтымов 1924 – *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин. М.: Саратов, 1924. IV, 226 с.
- Чистов 1955 – *Чистов К.В.* Народная поэтесса И.А. Федосова. Петрозаводск, 1955. 376 с.
- Чистов 2005 – *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. 270 с.
- Якубовская 2016 – *Якубовская Е.И.* Эпические напевы пудожского сказителя Ф.А. Конашкова // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 35. СПб., 2016. С. 119–197.

References

- Adrianova-Peretts, V.P. (1972), “The man in didactic literature of Medieval Russia”, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 27, Leningrad, USSR, pp. 3–68.
- Azbelev, S.N. (1982), *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [The historical dimension of Russian bylinas and the specificity of folklore], Nauka, Moscow, USSR.
- Chistov, K.V. (2005), *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* [Folklore. Text. Tradition], Moscow, Russia.
- Chistov, K.V. (1955), *Narodnaya poetessa I.A. Fedosova* [The demotic poet I.A. Fedosova], Petrozavodsk, USSR.

- Gabel', M.O. (1927), "On the issue of the technique of the Russian bylina epics. Forms of the bylina action", *Nauchnye zapiski Nauchno-issledovatel'skoi kafedry istorii evropeiskoi literatury, issue II* [Scientific Transactions of the Research Department of the History of European Literature. Issue II], Kharkov, USSR, pp. 49–63.
- Gil'ferding, A.F. (1894), "The Olonetsk Province and its demotic rhapsodes", *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fedorovichem Gil'ferdingom letom 1871 goda. T. 1* [The Onega bylinas written down by Alexander Fedorovich Hilferding in the summer of 1871, vol. 1], Saint Petersburg, Russia, pp. 1–62.
- Linevskii, A.M. (1948), "F.A. Konashkov. A biography of the bylina narrator", *Skazitel' F.A. Konashkov* [The bylina narrator F.A. Konashkov], Petrozavodsk, USSR, pp. 13–67.
- Linevskii, A.M. (1948), "Compiler's notes", *Skazitel' F.A. Konashkov* [The bylina narrator F.A. Konashkov], Petrozavodsk, USSR, pp. 187–203.
- Nositeli fol'klornykh traditsii (Pudozhskii raion Karelii)* [Bearers of the folk tradition (The Pudoga District of Karelia)] (2003), Petrozavodsk, Russia.
- Novikov, Yu.A. (2000), *Skazitel' i bylinnaya traditsiya* [The bylina narrator and the bylina tradition], Saint Petersburg, Russia.
- Putilov, B.N. (1983), "The epic world and the epic language", *Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov. IX Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov* [The history, culture, ethnography, and folklore of the Slavic peoples. The 9th International Congress of Slavic Scholars], Moscow, USSR, pp. 170–184.
- Skaftymov, A.P. (1924), *Poetika i genesis bylin* [The poetics and genesis of bylinas], Moscow, Saratov, USSR.
- Veselovskii, A.N. (1881), *Yuzhnorusskie byliny. I–II*. [The bylinas of the South of Russia. I–II], Saint Petersburg, Russia.
- Yakubovskaya, E.I. (2016), "The epic chants of the Pudoga bylina narrator F.A. Konashkov", *Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya*. T. 35, [Russian folklore. Documents and research. Vol. 35], Saint Petersburg, Russia, pp. 119–197.

Информация об авторе

Арсений С. Миронов, кандидат филологических наук, Московский государственный институт культуры, Химки, Россия; 141406, Россия, Химки, Библиотечная ул., д. 7; arsenymir@yandex.ru

Information about the author

Arsenii S. Mironov, Cand. of Sci. (Philology), Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia; bld. 7, Bibliotchnaya St., Khimki, Russia, 141406; arsenymir@yandex.ru